

Павел Рыскаленко / vtomske.ru

Михаил Третьяков: «На территорию Рейхстага мы вошли 2 мая»

71 год прошел с тех пор, как в Европе были сыграны финальные сцены трагедии, равной которой человечество не знало. И один из тех, кто участвовал в тех событиях — **томич Михаил Васильевич Третьяков**, родившийся в 1924 году в деревне Ново-Николаевка Кривошеинского района, в большой и дружной крестьянской семье.

— Нас, детей, в семье было десятеро. А сейчас осталось только двое — я и сестра, которая на десять лет моложе меня. Старший брат в 1936 году закончил мединститут, а в 1941-м погиб под Москвой. А я до войны работал в конторе сначала учетчиком, потом бухгалтером.

— **Наверное, у вас в школе с математикой было очень хорошо?**

— Да, считал я хорошо. Вот меня и попросили поработать на Рыбаловской машино-тракторной станции. Наша МТС обслуживала 19 колхозов! У нас была сотня тракторов, много комбайнов — конечно, не таких, как сейчас, а прицепных. Начал я работать в 1940-м, а через год началась война. Механизаторов стали призывать в армию, но вскоре вышло постановление, по которому им предоставляли бронь: кому-то ведь нужно было и людей кормить. Меня призвали летом 1942-го, когда мне исполнилось 18. Из Кривошеино в Томск мы добирались на пароходе. Там нас распределили по группам — меня направили в школу командного состава, где я прошел обучение и получил звание сержанта. А затем — в Барнаул, обучать солдат 1925 года рождения снайперскому делу.

— **А вы сами уже умели хорошо стрелять?**

— Я еще пацаном ходил с ружьем, бил и зайцев, и уток, и косачей. У меня отец был охотником! А снайперская винтовка — это ведь обычная винтовка, только с оптическим прицелом, что-то вроде бинокля. Смотришь за километр — а кажется, что все рядом. Так что это несложно.

— **А я всегда думала, что это своего рода талант.**

— Да какой талант? Конечно, надо уметь прицелиться, знать, как отрегулировать винтовку. Но всему этому снайперов учат. Мы своих готовили три месяца, а затем отправили на фронт. А нас, командиров, распределили по частям. И я попал в Омское танковое училище.

— **Наверное, потому, что с техникой уже были знакомы.**

— В общем-то, это вышло случайно. Когда приехал представитель училища, я как раз сидел и писал списки — кто куда едет. Он остановился и стал смотреть. А у меня был очень красивый почерк. Ему понравилось, мы разговорились, и он спрашивает — а ты куда? Еще не знаю, говорю. Так давай, говорит, к нам!

Подготовка в училище была очень серьезной — на механика-водителя и пулеметчика-радиста учились шесть месяцев. Ну а потом — на платформы и на фронт. Я попал на Первый белорусский, во вторую танковую армию. Сначала — в район белорусского города Барановичи. А через несколько дней нас бросили в бой. Наш танк и еще один были посланы для выявления огня: мы идем вперед, немцы нас бьют, а наши засекают, откуда огонь, и в ответ хлещут по немцам.

— **То есть вы были в роли «живца».**

— Ну что же, так и должно быть! Наш танк загорелся, второй тоже. Но мы выбрались: из нашего экипажа тогда погиб один человек, механик. К

сожалению, фамилию его я не помню — слишком мало времени нам довелось воевать вместе. Вместо него нам дали Виктора Гуровского. А во втором танке — его тоже подбили — обгорел заряжающий.

— И в новом составе вы воевали уже постоянно?

— Да, экипаж у нас был хороший, дружный. Шутили, всем друг с другом делились, и после войны встречались. В экипаже было пять человек — командир танка, командир орудия, механик-водитель, заряжающий и я — радист-пулеметчик. Танк — оружие грозное, имеет два пулемета и пушку. С пушкой работают два человека, которые находятся в башне. А мы втроем — внизу. Командиром у нас был Леонид Петрович Делянов, очень хороший человек, впоследствии ленинградский профессор. После войны я дважды был у него в гостях в Ленинграде. Но сейчас он уже умер. Да и остальных в живых нет.

— Михаил Васильевич, я прошу прощения за такой вопрос, но, по-моему, постоянно находиться впятером в тесном танке — это ужас. Летом наверняка жара, духота, а главное — человек должен хотя бы иногда отдыхать от других!

— Ну да (смеется), все это было — и жара, и тесно, и разговаривать невозможно — звук такой, что ничего не слышно, общались с помощью вшитого в шлем оборудования. Ну да ничего, ко всему привыкаешь.

Бывало, и спали в танке, и ели здесь же. Если кухня привезет горячую еду — хорошо, если нет — открывали тушенку или сухой паек. А представьте, каково пехоте? Нам хотя бы пешком ходить не надо! А они в окопах в любую погоду. Если немцы кухню разбили — они без обеда. Тогда идут к нам — дайте что-нибудь поесть! Мы, когда была возможность, загружали в танк и тушенку, и консервы, и потом их кормили. Или возьмешь пехоту на броню, пока по пути. А потом надо расходиться, а они до последнего слезать не хотят: у кого ноги стерты в кровь, у кого еще что-то.

После того боя, о котором я говорил, ремонтная бригада наш танк подлатала, и мы двинулись дальше, в Польшу. Там нас опять подбили — всю гусеницу разворотили. Это было в марте 1945-го. В этот день погиб еще один наш товарищ, Евсеев. Он был самый старший из нас, около 40 лет. Ему нужно было упасть в какую-нибудь ямку и лежать, когда мы вылезли из подбитого танка, потому что немцы в таких случаях всегда старались танкистов добить. А он поднялся на ноги и побежал. И меня, как я потом узнал, тоже посчитали погибшим, хотели даже похоронку отправить, но не успели — вечером я догнал своих, и они, увидев меня, очень удивились. А еще через несколько дней меня ранило.

— **Как это произошло?**

— Наш танк опять подбили, мы начали из него выскакивать, и в этот момент меня осколками снаряда ранило в левый бок. Подрубило два ребра, и в почке до

сих пор осколок сидит — доставать его не стали, чтобы не повредить почку еще больше. Так с ним и хожу.

— С такими ранениями, наверное, война для вас должна была закончиться. Как же вы в Берлин попали?

— Меня даже не стали в тыл отправлять — подлечили в полевом госпитале. Женщина-врач, майор, сказала — ты ведь, Третьяков, пешком не ходишь! Мы все из твоего бока достали, что надо, замазали, подклеили, так что ничего, поедешь дальше на танке (смеется).

Тогда шла большая подготовка к переправе через Одер. В апреле 1945-го пришло большое количество танков, другой техники. Но пока мы дошли до Одера, нас хорошо размотали. Потери были большие, что там говорить, хотя командование и старалось нас беречь. Я был в первом танковом батальоне, которым командовал капитан Кулаков. Когда мы вышли к Одеру, все мосты были взорваны — нужно было наводить понтонную переправу. Делалось это в основном по ночам.

Немцы нас бомбили, но к тому времени они уже серьезно выдохлись и не гонялись за каждым солдатом, чтобы его убить, как делали раньше. На Одер они возлагали большие надежды — считали его серьезным укреплением. Но все произошло довольно быстро. И вот мы оказались на территории Германии.

А через некоторое время к нам прилетел на самолете командующий второй танковой армией Богданов. Собрал всю нашу дивизию и сказал: товарищи танкисты, перед нами поставлена задача в течение десяти дней прорвать сильно укрепленную оборону противника, окружить Берлин и взять его. Несправедливо будет, если Берлин, а значит, и победа достанется союзникам, которые только недавно открыли второй фронт! И мы пошли в наступление.

Бои шли ожесточенные, танки горели всюду. А потом нам подбросили несколько «Катюш» — не помню уже, пять или шесть. И как они дали жару! После этого мы прорвали оборону и пошли к Берлину. Стреляли так, что земля тряслась. И уже 29 числа стояли у стен Рейхстага.

— **Воевать в городе такой технике, наверное, намного труднее, чем на свободном пространстве.**

— Да, танки же шли колоннами, поэтому если один подобьют — все в ловушке, добивай. Поэтому и велся такой огонь — чтобы сразу уничтожить вражеские огневые точки. Наше командование говорило немцам: сдавайтесь, зачем лишние жертвы, если капитуляция неизбежна? И вот наконец они пошли на переговоры.

У нас был капитан Кулаков, которого незадолго до этого ранило в голову, но в госпиталь он не пошел. Так вот он с забинтованной головой бегал от танка к танку, стучал по башням и кричал — не стрелять, не стрелять! Переговоры состоялись 1 мая, а рано утром 2 мая, на рассвете, открылась половинка Бранденбургских ворот, и пять первых танков, в том числе и наш, вошли на территорию Рейхстага.

Нам дали приказ развернуть танки пушками на Рейхстаг, но не стрелять. Немцы, сдаваясь, выходили из всех уголков и складывали оружие, которое лежало большими грудями. А их верхушку тогда так и не нашли. Позже оказалось, что они находились в подземном бункере.

— **Кстати, вы тогда, наверное, не знали, что комендантом Рейхстага стал ваш земляк Федор Зинченко?**

— Как же, знал! 2 мая немцы сдались, а 3-го объявили, что комендантом назначен Зинченко, уроженец Кривошеинского района. Я даже сунулся было к нему пройти, но где там! Увиделись мы уже после войны. Он сам после демобилизации жил на Украине, но он почти каждый год приезжал на родину, где оставались его братья и сестры, и мы с ним много раз общались. Из Рейхстага нас вывели 3 мая, но в Берлине мы еще оставались до 4-го или 5-го, не помню уже. Успели даже погулять по городу.

— **И какие впечатления остались?**

— Разные. Я хорошо запомнил сарайчик, в котором штабелями, как дрова, были сложены обнаженные трупы немцев. Они же люди аккуратные, вот и приготовили их на сжигание, но сжечь не успели. А на одной из улиц мы увидели гараж, а в нем немец возится со своей машиной. Мы спрашиваем — машина на ходу? Дай прокатиться! Он дал, но сказал — долго не катайтесь, горючего мало! Гуровский сел за руль, и мы проехали по Берлину, а потом вернули машину хозяину.

— Значит, он вас не боялся, раз взялся предупреждать, чтобы долго не катались.

— А чего ему было бояться? Зачем мы стали бы его трогать? Хотя некоторые, конечно, боялись, прятались. В одном из домов мы увидели трупы женщины, девочки и мужчины — оказалось, это эсэсовец убил свою семью и застрелился сам.

Раз уж мы заговорили о страхе, расскажу еще одну историю. Когда мы были в Польше, нам сказали, что в деревне есть русские девчонки, которых немцы угнали на работу. Мы к ним, а они не хотят с нами разговаривать. Я не выдержал — да как же так, вы же русские? И тогда одна говорит — нам сказали, что немцы через несколько дней вернутся и всех, кто общался с русскими, повесят. Не бойся, говорю, теперь уже не вернутся!

А еще я в Германии начал курить. И до войны не курил, и сейчас не курю, а там курящие как начали приносить сигары и разные интересные папиросы... И все

время говорили: Миша, да ты попробуй! Ну я и попробовал. Потом курил много лет, пока не решил — ну зачем я себя травлю? И бросил.

— Вот уж курящих вообще не стоило в танкисты брать — чтобы остальных не травили!

— Ничего, бывало, вентилятор включишь — весь дым и вынесет.

— И куда вас отправили после Берлина?

— 4 или 5 мая нас бросили на уничтожение немецких частей, которые не хотели сдаваться и продолжали сопротивление. Помню, только мы увидели какой-то сосновый лесок, в котором можно было остановиться на отдых, как прилетел наш У-2 — летчик спустился очень низко и что-то кричал, но мы не могли расслышать, что именно. А потом бросил привязанную к какой-то железяке записку. Мы ее подняли, и оказалось, что совсем недалеко от нас, в сосняке, немцы напали на соседнюю с нами часть и уничтожили ее. Мы завели танки и бросились туда. Немцы открыли огонь и по нам, но мы их разбили.

— Скажу банальность, но как страшно пройти всю войну и погибнуть в самые последние дни...

— Если разобраться, на войне все страшно. Но что поделаешь? Поначалу страшно видеть, как гибнут люди, а потом привыкаешь и иногда даже внимания не обращаешь на то, что рядом с тобой убили человека. И думать, что стреляешь по живым людям, тоже не очень приятно.

Этот бой был нашим последним боем. Немцы не хотели сдаваться, дрались ожесточенно. И мы, конечно, тоже. Сколько я тогда их убил, не знаю. А ведь все могли бы остаться живыми... После этого мы уже никуда не пошли — так и остались в том лесочке. Ни палаток, ничего у нас не было — рубили сосняк и спали на ветках несколько дней. Там и Победу встретили.

Когда объявили, что война закончилась, — кричали от радости, стреляли, шапки вверх бросали. А потом, слышу, кричат: Шушунин, давай! Был у нас такой майор Шушунин, который отвечал за хозяйственную часть. Он до этого все время говорил, что спирта у него нет. А тут откуда только спирт взялся! (смеется).

А потом нам дали команду ехать в район Нойруппина, где раньше стояли эсэсовские воинские части, в том числе танковые. Там были большие ремонтные мастерские, гаражи. Там нас поселили. А через несколько дней после войны меня вызвал начальник штаба и сказал: Миша, я знаю, ты работал в бухгалтерии. А у меня людей нет — Сталин дал приказ всех, кому 60 лет и больше, демобилизовать и отправить домой. Иди в финансовый отдел, к капитану Ткачеву!

— **Вот это неожиданный поворот! Как-то никогда не думалось о том, что на войне был финансовый отделы...**

— А как же?! Всем, от солдата до генерала, надо было выдавать зарплату. В Германии, например, солдатам выдавали только марки — что-то около 15 марок, точно уже не помню. Для этого и существовали финансовые отделы, в одном из которых я проработал до 1948 года. Продукты из Советского Союза тоже не возили — их нам поставляли немцы, а мы рассчитывались с ними чеками. Мы ездили в банки, в команде у меня было три казначея. Я хотел уехать домой, но мне сказали — мы тебя не отпустим, поезжай и привози сюда жену!

— **А у вас уже был кто-то на примете?**

— Была девчонка, с которой я переписывался. Ее звали Надя, мы с ней вместе учились в школе. Мне дали 60-дневный отпуск, я приехал в Кривошеино и здесь женился. Было это в 1946 году. Причем на нее мне сразу оформили документы как на жену, чтобы два раза не ездить. Я приехал и ей эти документы показал. Она сначала говорит — как же это так? Ну хорошо, говорю, я их порву. Нет, отвечает, не рви.. Так и началась наша совместная жизнь.

Мы прожили вместе до 1994 года, а потом моя Надя умерла. В Германии нам предоставили квартиру, и там у нас в 1948 году родился старший сын. И в этом же году жена меня уговорила из Германии уехать. Обстановка тогда была беспокойная — в 1947 году, например, произошла серьезная стычка с американцами. Берлин ведь был поделен на несколько зон, и мы, проезжая по американской зоне, не могли выйти из трамвая — сразу американцы арестуют. Ну вот наши офицеры как-то вышли, и случился у них конфликт. Причем очень серьезный — только через несколько дней все уладилось.

— **Надо же, ведь на одной стороне воевали. А с местным населением конфликты были?**

— Вот с немцами за четыре года никаких недоразумений не было ни разу — они к нам относились лучше американцев. В общем, жена все время тянула меня домой, и в конце концов я написал заявление.

Приехали домой — на руках сын, все, что у меня есть — шинель, шапка и сапоги. И стал я устраиваться на работу. Сходил в бухгалтерию МТС — там все укомплектовано. Устроился завбазой. Но через несколько дней отец жены, который был в МТС конюхом, похвалился на работе, что приехали дочь с зятем. Директор МТС об этом узнал и пришел звать меня к себе. Я говорю — все, теперь уже не буду работу менять. Тогда он пошел в райком партии. Меня вызвали и сказали — пойдете в МТС! Сначала директор попросил меня заведовать нефтебазой — нужно было заниматься снабжением горючим. А потом я стал главным бухгалтером МТС и оставался им до 1958 года.

После ликвидации в 1958 году всех МТС Михаил Васильевич работал главным бухгалтером ремонтно-технической станции, потом — предприятия «Сельхозтехника» и совхоза «Кривошенский». А затем вернулся в «Сельхозтехнику» уже в качестве главного экономиста. Трудился здесь до 1984 года, заявление написал после того, как его сына назначили руководить предприятием — счел, что такая семейственность будет на совсем правильной. Но отдохнуть Третьякову не дали: позвали в управление сельского хозяйства райисполкома, в отдел экономики. Здесь он проработал еще 12 лет. С тех пор на пенсии, живет в Томске. Пока были живы его сослуживцы, много раз встречался с ними. На вопрос о секрете своей бодрости, которой могли бы позавидовать многие молодые, отвечает так:

«Все просто: не опускайся, держись, веди себя хорошо, не пей, не кури, и будешь жить долго!»

Мы желаем Михаилу Васильевичу оставаться в такой же замечательной форме еще долгие, долгие годы. И низкий ему поклон за все!